

Му Янь в свое время дебютировал как певец, и его песня Летнее безумие с невероятной скоростью взлетела на вершины хит-парадов по всей стране. Учитывая, что его родители были ветеранами эстрады, а сам он обладал выдающейся внешностью, успех пришел мгновенно. Долгое время он оставался топовой звездой шоу-бизнеса, чья популярность была сравнима разве что с нынешним Фу Сыянем.

Однако из-за того, что жизнь его всегда текла гладко, у него сформировался скверный характер: он привык рубить правду-матку, никого не стеснясь. Если кто-то или что-то ему не нравилось, он не успокаивался, пока не заставлял человека сполна хлебнуть лиха. Поэтому большинство сотрудников и артистов предпочитали держаться от него подальше. Так было и с Цинь Вэй: когда он впервые ее увидел, то остался недоволен тем, что она получила роль благодаря поддержке Фу Синьцзэ, и начал придираться к ней по любому поводу. Его язвительные замечания звучали при каждой встрече, и лишь позже, когда Цинь Вэй доказала упорным трудом свою состоятельность, он наконец сменил гнев на милость.

Можно сказать, Му Янь был тем самым человеком, который мыслил категориями черного и белого. Если ты ему нравишься, он был готов носить тебя на руках, но если он затаил неприязнь — берегись, конца мучениям не будет.

Столь ребяческое поведение объяснялось просто: он никогда не знал настоящих жизненных невзгод.

Но теперь появился Цю Тан, и его суровая школа жизни была официально открыта.

В тот момент, когда он увидел, как Цю Тан показал ему язык, Му Янь буквально взорвался.

— Вы что, ослепли? Посмотрите на его выражение лица, он же притворяется! Зеленый чай, да как у тебя совести хватает! — вопил он, тыча пальцем в Цю Тана.

Толпа проследила за его жестом, но увидела лишь сидящего на полу юношу, который выглядел растерянным и ошеломленным. Его ладонь все еще кровоточила, он закусил губу и молчал, но тело его мелко дрожало. Он напоминал фарфоровую куклу с трещиной, вызывая невольное сочувствие.

Многие начали возмущенно упрекать Му Яня:

— Мы не слепые и все прекрасно видим. С самого начала это вы, звездный Му, искали повод для конфликта. А когда господин Фу вас приструнил, вы затаили обиду и намеренно травмировали парня, а теперь еще и пытаетесь переложить вину на жертву. Он же просто начинающий актер, как он мог вам навредить!

Му Янь хотел было обрушиться на говорящего с бранью, но к обвинениям присоединялось все больше людей. Он не знал, на кого накинуться, и от бессильной ярости его глаза налились кровью.

В этот момент в сопровождении ассистента наконец появилась Цинь Вэй. Она надеялась отсидеться в стороне, наблюдая за схваткой, но не ожидала, что скандал разрастется до таких масштабов. Если станет известно, что Му Янь ввязался в это дело, пытаясь заступиться за нее, удар придется по ней самой.

Она поспешно попыталась сгладить углы:

— Господа, на съемках всякое бывает, думаю, Му Янь не хотел этого. Му Янь, извинись перед Цю Таном, давайте на этом закроем вопрос, хорошо?

— Значит, ты тоже думаешь, что это я его толкнул...

Му Янь за всю свою жизнь еще не испытывал такого унижения.

Видя, что он не идет на сотрудничество, Цинь Вэй прошептала так, чтобы слышали только они:

— Какова бы ни была правда, сейчас все считают виноватым тебя. Только извинения помогут замять это дело. Ты подумал, сколько вокруг репортеров и папарацци? Ты осознаешь, какой удар это нанесет по твоей репутации?

Цинь Вэй полагала, что действует разумно и мягко, но, к ее удивлению, Му Янь не только не принял ее слов, но и посмотрел на нее так же, как при их первой встрече — с холодным презрением.

Му Янь действительно был вспыльчив, но по сути своей он был слишком прямолинеен, чтобы терпеть фальшивую, лицемерную манеру поведения Цинь Вэй.

Он внезапно усмехнулся, долгим взглядом посмотрел на Цинь Вэй, а затем перевел глаза на сидящего на полу Цю Тана. Не успел он снова взорваться, как Цю Тан опередил его, покачав головой:

— Нет, правда, это не вина учителя Му Яня. Наверное, я слишком долго висел на страховочном тросе и у меня закружилась голова. Не нужно извиняться, я не заслуживаю ваших извинений.

Настоящий зеленый чай! Какой же он зеленый чай!

В голове у Му Яня словно что-то лопнуло. Крикнув убирайся, он сам, не оглядываясь, вылетел из павильона.

— Му Янь!

Цинь Вэй попыталась его остановить, но все было тщетно.

Цю Тан выглядел обеспокоенным и продолжал что-то объяснять окружающим, но Фу Синьцзэ отвел его в сторону:

— Пусть бежит, не обращай на него внимания. Сначала обработай рану, чтобы не занести инфекцию.

Проходя мимо Фу Сыяня, Цю Тан поднял голову и взглянул на него, но тот лишь слегка махнул рукой, позволяя Фу Синьцзэ увести парня.

В комнате отдыха Фу Синьцзэ.

Стоило ватной палочке, смоченной в спирте, коснуться ладони Цю Тана, как тот невольно ахнул.

Он инстинктивно дернулся, но Фу Синьцзэ крепко держал его руку. Юноша слабо проговорил:

— Можно чуть нежнее? Больно же...

В этот раз он не притворялся: он не стал просить 8756 притупить боль от простой царапины, и она оказалась на удивление чувствительной.

Услышав просьбу, Фу Синьцзэ лишь мельком взглянул на него и продолжил работу. Хотя он ничего не сказал, его движения стали осторожнее. Спустя долгое время, закончив с перевязкой, он негромко произнес:

— Я видел. Как ты показал язык Му Яню.

Глаза Цю Тана округлились.

Он открыл рот, собираясь оправдаться, но не смог вымолвить ни слова. В конце концов, смирившись, он опустил плечи и тихо пробормотал:

— Значит, ты видел...

Но вскоре он снова обрел уверенность и начал защищаться:

— Ладно, признаю, я хотел его позлить. Кто просил его постоянно придирается ко мне? Я ему ничего не сделал, и если он большая звезда, это дает ему право издеваться надо мной? Даже если я всего лишь простой работяга, у меня есть чувство собственного достоинства, почему я должен терпеть насмешки?

— Но, — после того как он выплеснул эмоции, он серьезно посмотрел на Фу Синьцзэ, — я лишь немного притворился слабым. Я же сказал, что у меня закружилась голова от долгого висения на тросах, я не пытался его подставить. Ты должен мне верить, я не думаю, что зашел слишком далеко...

Этот прием назывался: отвечать на удар ударом, где ложь переплетается с правдой.

Как раз то, что нужно, чтобы разнообразить жизнь Фу Синьцзэ. В конце концов, если перед глазами все время только невинные простушки, становится скучно, не так ли?

— Верно, — Фу Синьцзэ наконец улыбнулся. — Я и не собирался тебя винить. Более того, даже если бы ты намеренно подставил Му Яня, я не вижу в этом никакой проблемы, ведь он сам напросился.

В его голосе звучало одобрение.

Цю Тан, услышав это, не сразу нашелся что ответить, а затем взлохматил свои волосы и искренне сказал:

— Господин Фу, вы такой понимающий и добрый человек.

Фу Синьцзэ не знал, смеяться или плакать.

— Это уже второй раз.

— М? Что второй раз?

Этот маленький негодник еще и спрашивает! Конечно же, второй раз, когда ты вешаешь на меня ярлык доброго человека!

Фу Синьцзэ не стал говорить этого вслух, лишь велел ему отдохнуть в этой комнате, а сам вышел.

Цю Тан в недоумении кивнул, глядя, как перед тем, как закрыть дверь, тот снова одарил его мягким взглядом.

— Тан Тан, отличные новости! Расположение Фу Синьцзэ выросло еще на 3 очка, теперь 88! — бодро отрапортовал 8756, но вдруг запнулся, и его тон резко изменился: — Но расположение Му Яня упало до минус двухсот. Это...

— И что с того? Стоит мне показать себя с лучшей стороны перед ним, как я смогу перевернуть ситуацию, может, даже превращусь в удачливого карпа, хм-хм-хм.

Цю Тан загадочно улыбнулся.